

Люди как люди?

Москва-1937

Я вот думаю: а что было бы, если бы Воланд прибыл в Москву сейчас. То есть не в Москву Сталина, а в Москву Путина?

Как вы помните, во время триумфального выступления своей свиты на московских подмостках «профессор» делает эдакое философское отступление, пристально рассматривая зрителей:

Ну что же, они — люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...

Когда некоторые нынешние аналитики уподобляют нашу эпоху тридцатым годам, они не совсем правы. Те люди действительно «напоминали прежних»,

дореволюционных. Манерами, бытом, представлениями. С нынешними россиянами людей 1930-х по-настоящему роднит лишь одно: любовь к деньгам. Как же так, возразит кто-то. А отношение к власти, холуйские славословия, поголовная поддержка политики вождя? Разве все это не похоже на нынешнюю 86-процентную поддержку Путина?

Похоже, но только *внешне*. У нас ситуация с общим качеством населения неизмеримо хуже, чем в 1930-е годы. Хуже!

Когда мы видим кадры кинохроники, на которых монолитные колонны маршируют под лозунгами «Слава великому Сталину!», «Смерть троцкистским собакам!», мы должны видеть, что стоит за этим. А за этим стоит гражданская война, за этим годы геноцидного террора и социальной дискриминации. За этим стоит всепроникающий, как Интернет, страх.

Но когда современное российское большинство поддержало «крымнаш», поддержало «Новороссию», у него за плечами был не опыт Соловков, не опыт раскулачивания, массовых расстрелов и Беломорканала. Нынешний обыватель не знает, что это такое — шаги НКВД ночью, за твоей дверью. Его не били по половым органам на допросах. Нет, у нынешнего большинства за плечами опыт совсем другой жизни: опыт жизни при демократии 1990-х, пусть и очень несовершенной, но демократии. Наше большинство, так возлюбившее Путина, уже не знало страха и железного занавеса. Нынешнее большинство никто не запугивал и не принуждал. Когда советский народ в 1939-м, стоя на митингах по заводам и фабрикам, единодушно гавкал после нападения на Финляндию: «Да здравствует мирная политика Советского Союза! Да здравствует великий Сталин! Мы полностью одобряем меры, принятые Советским правительством!» — я понимаю, что это происходило в стране ГУЛАГа. Попробуй-ка не поддержи.

Но тем, кто в марте 2014-го рукоплескал в Кремле по поводу «возвращения» Крыма, — им удары сапогом по почкам и ГУЛАГ явно не грозили. Как и остальным 86-ти процентам. Ну ладно, не пойдешь ты на митинг в поддержку «Крымнаш» — ну, выгонят с работы, это самое большее (но не расстреляют и на Колыму не ушлют). И, кстати, не всех же гоняют на эти митинги.

***Тем, кто в марте 2014-го рукоплескал в
Кремле по поводу «возвращения» Крыма,
— им удары сапогом по почкам и ГУЛАГ
явно не грозили***

Подавляющее большинство сидит себе дома и исповедует «Крымнаш» совершенно добровольно, наедине с собой и телевизором, в семейном кругу, по зову сердца, безо всякого давления и безо всякого стимулирующего страха. Они, эти люди, не прошли через мясорубку террора. Они имеют опыт достаточно свободной постсоветской жизни, у них загранпаспорта и выход в Интернет, но притом они уже готовы нести по улицам лозунги: «Слава великому Путину!» и «Смерть пятой колонне!». У них, в принципе, в 1990-е был шанс стать нормальными людьми, войти в круг нормальных народов. Но нет, они по доброй воле выбрали сталинизм-2 и бредни о новом имперском величии — вот в чем коренное отличие наших современников от людей 1930-х годов. Зная все о сталинском терроре, наши современники, по данным «Левада-центра», его оправдывают, очевидно, надеясь, что новый террор лично их не затронет. То есть они, сволочи, согласны на репрессии, если будут «грести» *других*. Если *другим* будут ломать судьбы; если *других* будут гнобить, мучить и убивать. Вот какое у нас замечательное население сегодня.

Москва-2015

Совок совершил ужасное дело: похоже, за время своей истории он истребил почти всех, кто мог бы воспринять свободу. Последний всплеск сопротивления — Новочеркасский бунт при Хрущёве. Когда потом появился шанс на свободу, воспользоваться им было уже некому. Воля к свободе осталась в Украине, в Прибалтике, в Грузии. Но не у нас, не у русских. У нас качество населения низведено ниже плинтуса. Оно не идет ни в какое сравнение со сталинскими временами. Ибо тогда система все-таки преодолевала сопротивление, с нею все-таки боролись. Недаром системе требовался ГУЛАГ. Сейчас он не нужен. Этот народ любит вождя и без ГУЛАГа. Страшное дело — рабство из-под палки. Но ещё страшнее — рабство без палки. Страшен совок в ватнике. Но страшнее совок на иномарке, в импортных шмотках, отдыхающий в Европе и притом ненавидящий Запад. Помнится, при совке власть обязывала хозяев личных домов вывешивать по праздникам красный флаг. Сейчас никто никого не принуждает цеплять «колорадскую» ленточку на свой автомобиль — но цепляют все, сами цепляют, не замечая, как двусмысленно и даже комично этот круглогодичный «символ победы» выглядит на «мерседесе» или

«фольксвагене».

***Страшное дело — рабство из-под палки.
Но ещё страшнее — рабство без палки.
Страшен совок в ватнике. Но страшнее
совок на иномарке и в импортных
шмотках***

Этот нынешний добровольный неосталинизм, добровольный отказ от возможности быть свободным — гораздо страшнее атмосферы 1930-х годов. Он знаменует полную деградацию, возможно, уже необратимую. Это вырождение как следствие мощнейшей антиселекции, отрицательной калибровки. В великом русском языке есть слово «люди» и слово «ублюдки». Они вроде бы созвучны, похожи друг на друга (может даже показаться, что корень у них один). Однако значение этих слов совсем разное. И корни разные — «люд» и «блуд» соответственно. Между этими двумя словами при всем их некотором созвучии — дистанция огромного размера. Такая же, как между русскими 1930-х годов и нами, нынешними русскими. Там, в 1930-х, были все-таки люди.

Начало перестройки ознаменовалось появлением знакового фильма «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. Главный смысл этого фильма был не воспринят, он показался тогда слишком радикальным и даже нигилистическим. Сын выкапывает из могилы труп отца-тирана и выбрасывает его с горы куда-то в мир — на ветер, на вечный позор. О, как тогда многие клеймили эту яркую сцену, как оскорблялись ею! Фильм стал своего рода «проверкой на вшивость», проверкой готовности общества к переменам, к перерождению. Он нес в себе послание, которое не было услышано: нас может спасти только радикальное отречение от скверны. Подобное тому, что совершила Восточная Европа. Но это не произошло. Покаяние — а именно в этом состояло послание фильма — не состоялось. И

само это слово — покаяние — стало по большей части вызывать раздражение и озлобление, и чем дальше, тем сильнее. Призывы к покаянию стали восприниматься как оскорбление национального и личного достоинства: «Кому, *нам* каяться?! Перед кем?? Да мы всех их спасли от фашизма!!».

Сегодня тема покаяния, звучавшая в годы перестройки, окончательно перечеркнута великой темой «вставания с колен». Ее венец — «Крымнаш». Законченный исторический цикл: от фильма «Покаяние» до фильма «Путь на родину». Мы вернулись-таки «на родину». Кто-то, вспоминая картину Абуладзе, сказал, что зловонный труп тирана теперь подобран и водружен на старый пьедестал. Не совсем так. Этот полуразложившийся труп наши современники притащили к себе домой и усадили за семейный стол. В его обществе пьют чай. С ним подобострастно беседуют, с ним советуются. И если у трупа вдруг отваливается голова, ее с извинениями прилаживают на место.

Так Вы говорите, мессир, люди как люди? Нет, увы, к нам это уже не относится. Это не про нас. Мы не «люди как люди», а некий продукт системы расчеловечивания. Покаяние могло пробудить в нас человеческое, но мы, потоптавшись немного на историческом перепутье, отвергли этот шанс. У людей 1930-х такого шанса не было, и единственное, что нас роднит с ними, единственное, что мы от них унаследовали, — их негатив: готовность стучать, трамвайное хамство и слабость к халяве.

Мы не «люди как люди», а некий продукт системы расчеловечивания

Несмотря на то, что Москва сейчас сияет модными бутиками, навроде миланских, нынешняя публика, думаю, так же ломанулась бы в «магазин» Геллы на сцене театра Варьете. И коварные купюры, дождем слетающие с потолка, хватала бы только так, за милую душу. Путин смекнул, как можно купить эту «милую душу». Он пытается Вам подражать, мессир. «Наш Крым» — это тот же «магазин» Геллы на сцене современности. Хит сезона «русской весны». Интересно, кто в роли Геллы? Вероятно, блядские российские СМИ с

трупными пятнами на руках. Народ активно и упоительно примеряет на себя Крым, приговаривая: «Шикарно! Качественно! Патриотично! А как оперативно провернули! Глазом не успели моргнуть!». На что надеется Путин? На то, что иллюзия, морок станет вечной реальностью? Даже Вы, мессир, на это не посягали. Морок развеется, оставив только срам и массовый визг. Вам-то что, мессир, Вы встали и ушли. А Путину податься некуда: он не вольный художник, в отличие от Вас, он директор-хозяин этого, блин, «Варьете». Он обречен метаться по рушащемуся зданию, среди разочарованной, озлобленной, взбешенной публики, теряющей человеческие признаки. Вот такой театр. «Сеанс окончен! Маэстро! Урежьте марш!!!».

Алексей Широпаев, rufabula.com